люди искусства

Долговечнее бронзы

Галина ШЕРГОВА

СЛУЧАЕТСЯ, и бесплотная литераторская фантазия обретает плоть металла. На Стрэдфордском сквере стирает невидимую кровь с бронзовых рук леди Макбет и блестят отполированные туристскими прикосновениями бронзовые колени Фальстафа. Уходят в новые скитания с Мадридской площади недвижные Дон Кихот и Санчо Панса...

К их реальному, нестрочечному существованию привыкли поколения, и вот они увековечены в изваяниях.

Большевику Максиму не поставлено памятников, если не считать монументом ленинградский кинотеатр, носящий его имя. А ведь он, Максим, давно выйдя из ограниченного пространства экрана, начал многообразную жизнь в мире. Ему, Максиму, писали письма: «Надо посоветоваться с хорошим человеком». Его приглашали на семейные советы и зачисляли в рабочие бригады. Рассказывали, что он был комиссаром полка в Сталинграде и на Курской дуге. И, как границу экрана, перешагнул он государственные рубежи. Бывшая заключенная фашистского концлагеря в Польше вспоминала, как узников поддерживал слух о том, что в этом же лагере русский большевик Максим сколачивает отряд Сопротивления. И еще, и еще...

И все-таки не встал он навечно на мраморный постамент, замуровав в чугунной кожанке свою веселую отвагу и звонкую славу. Непомерную в своей огромности славу эту выпало нести человеку. Актеру, создавшему Максима, Борису Петровичу Чиркову.

Нет заманчивее удела. И нет труднее. Прежде всего труднее. И актеру, и человеку.

История искусства знает бессчетное множество примеров, когда некий звездный взлет художника приторачивает его имя к единственному созданию. Бывает, что художник и не может уже вторично переступить высокий барьер, взятый однажды.

Сорок лет Максимову возрасту по летосчислению искусства. И это сорок лет в творчестве Чиркова, когда несет он свою высокую ответственность перед Максимом.

Максим не был просто блистательной актерской работой. В нем была во плоти явлена высшая формула искусства: общее в единичном. Общим была эпоха жизнетворящей Революции. Единичным — личное своеобычие и неподражаемость (а только она и вызывает стремление подражать) рабочего паренька, ставшего профессиональным бойцом Революции. Революция пленяла людские души именно тем, что, сражаясь за всеобщее благо, она силой великого катализатора проявляла сущность личности.

В Максиме Чирков ощутил и проявил себя частицей народа, и эта истинная народность пронизала все его творчество. Многогранное творчество, когда играл он тех, кто был сердцевиной народной, и тех, кто заключал черты, враждебные обществу.

Он не стал актером одной роли.

Народный просветитель, сельский педагог из «Учителя», хитрый старик в «Волочаевских днях», М. И. Глинка, забитый бунтарь Кузовкин в «Нахлебнике», мрачный, обиженный Бирюков из «Живых и мертвых» — как не схожи они меж собой и как полноправны! Как зловещая история Махно в «Александре Пархоменко» непохожа на зловещее кликушество Распутина в театральной работе Чиркова «Заговор императрицы». Я не берусь перечислять чирковские роли — их вместе с театральными более ста. Я не берусь анализировать актерскую работу Бориса Петровича — специалисты-искусствоведы делают это гораздо компетентнее меня. Я хочу думать вместе с вами над сутью этого удивительного явления нашего искусства, именуемого Борис Чирков.

У Микеланджело есть прекрасный неоконченный сонет. Вот строки из него: «...Как в чернилах и пере таится стиль высокий, и низкий, и средний, в мраморе одновременно кроются образы и возвышенные, и грубые, в зависимости от того, что умеет извлечь из них наш гений...» Я хочу продлить мысль строчками, написанными Чирковым: «Актер, который создает человеческие образы, нигде не достанет строительных материалов для своей работы, кроме как в самом себе». Да, талант Чиркова способен высекать из мира, заключенного в художнике,— этой бесплотной, но бесценной мраморной глыбы — образы столь несхожие, но совершенные и оттого, что велик талант, и оттого, что велик его собственный мир. Тут он и тонкий ваятель, и трудолюбивый каменотес. «Труд, труд, труд»,— любит повторять он. Недаром его рабочим девизом была всегда брюсовская строфа:

Вперед, мечта, мой верный вол!
Неволей, если не охотой!
Я близ тебя, мой кнут тяжел,
Я сам тружусь, и ты работай!

Я не случайно говорила о трудностях родства с Максимом не только для актера, но и для человека в бытовом смысле этого слова. Ответственное и сложное бремя максимовской чистоты, душевной цельности, нравственных высот не каждому по плечу. Но Чиркову оно не было тяжким. Потому что естественны для него, Чиркова, а не Максима, эти категории. Четверть века дружбы дают мне право сказать, что он один из самых светлых и чистых людей, встреченных мной.

Эти же четверть века дружбы обращают меня к личным, может быть, слишком личным воспоминаниям, но, говоря о Борисе Петровиче, я не могу оперировать лишь общими оценками.

Я люблю воздух чирковского дома, где всегда властвует мысль, где строгость книжных полок не подобна торжественности склепов. Я люблю вечера в этом доме, где хозяин почти ритуальным от бережного почтения жестом вынимает любимый том, и звучат строфы Баратынского, вдруг обретшие в чирковском чтении новую многомерность. Или долгие споры о толстовском абзаце. Толстовском. Давно хозяин дома размышляет над последними годами жизни великого яснополянского мыслителя и труженика, мечтая сыграть на сцене его — человека. Я помню вечера, когда звучала в этом доме изысканнейшая и искуснейшая сорокинская гитара, а хозяин, хозяйка и верный их друг, прекрасный артист Александр Борисов, пели на три голоса песни, вынутые Чирковым из старины и омытые свежестью воссоздания.

И не могу я расторгать в своем ощущении этого человека — его духовность, интеллектуальность — с неписаным катехизисом нравственных норм.

Его Максим был мужественным человеком. Сколько раз наблюдала я негромкое и какое-то застенчивое мужество Бориса Петровича. Однажды, помню, я провожала его в больницу на тяжелейшую операцию, исход которой был неизвестен. Он замешкался в кабинете. «Что вы?» — спросила я. Он виновато улыбнулся: «Вот хочу блокнот прихватить. Я же не все время буду замертво лежать. Можно будет поработать».

Эту застенчивую улыбку запомнили люди у Максима. Застенчивую и одновременно озорную. Решительный и бескомпромиссный Максим умел быть чутким и деликатным. Чирковская деликатность, скромность стали нарицательными для людей, знающих его. Не могу не обратиться еще к одному воспоминанию. Как-то Чирков тонул в море. На наших глазах. Он не видел, что к нему плывет спасатель. Но он не звал на помощь: ему казалось неловким досаждать людям своей бедой.

Он удивительно скромен. Никогда не просил лавров, никогда не обивал порогов, выпрашивая жизненные блага. Я думаю, он рассердится на меня за эти рассказы, потому что знаменитый почти всю свою жизнь, он исповедует суть поэтической строчки: «Быть знаменитым некрасиво».

Но этот скромный, застенчивый человек умеет быть непреклонно твердым, когда дело касается принципов и идей его жизни. И в этом большевик Максим и коммунист Чирков родственны.

Есть еще одно роднящее — стремление быть полезным обществу (хотя немолодому человеку Борису Петровичу приходится труднее, чем неутомимому Максиму). А ведь диву даешься, откуда у него берутся силы активно работать и во Всероссийском театральном обществе, и во Всероссийском обществе любителей книги, возглавлять Федерацию спортивного кино и телевидения Спорткомитета СССР, заниматься многими другими делами.

Но: «Я сам тружусь, и ты работай!»...

В социальной психологии популярен термин «имедж» (образ, стереотип) — утвердившееся в общественном сознании представление о человеке или явлении. Применительно к актеру это понятие на Западе обычно связано с амплуа, с характерами актерских героев.

«Имедж» Чиркова — это не просто образ Максима. Это представление о чирковской личности. И в этой связи необходимо сказать еще об одной форме работы этого актера кино и театра. О работе на телевидении. Еще десять лет назад Чирков понимал величайшую силу воздействия этого феномена, написав: «За каждым твоим словом, движением глаз, жестом следят сотни городов, тысячи деревень, миллионы домов и квартир! Здесь ты, как народный трибун. Как же значительны, весомы должны быть мысли, которые ты излагаешь людям...»

На телевидении человек экрана обращается непосредственно к собеседнику у него дома, и миллионноликий собеседник должен доверять говорящему. И «имедж» Чиркова, его личность, доверие к ней, значительность ее делают масштабными любые его выступления — читает ли он ершовского «Конька-Горбунка», ведет ли передачу «Самоцветы», беседует ли со зрителем об искусстве или играет роль в телевизионном спектакле.

Сегодня телевидение, пожалуй, самое действенное средство и искусства, и массовой пропаганды. Так как же важно участие в его работе «личностей», подобно Чиркову воздействующих на умы и сердца!

И хотя написала я эти последние слова применительно к телевидению, пожалуй, закончить рассказ о Борисе Петровиче нужно именно ими — благодарными словами человеку за его полувековой титанический труд по воспитанию миллионов сердец и умов.

А этот монумент долговечнее бронзы.

Артист Б. Чирков.
Фото Р. Богданова.